

ЧУЖА ДУША – ПОТЁМКИ

Лариска чуть не врысью бежала через улицу. Находу обкрутила кругом шеи конец вязанки, заправила за ворот. Запахнула пальтишко. По другу сторону увидала тётку Клавдэю. Остановливатца не стала, обревела сýздале:

Здорово ночевала, тётка Клаша! – и побежала дале.

Баушка поворотилась на голос:

- Да слава Бох... Ириса, той-ка, той-ка. Я тебя уж не первый раз вижу на нашем краю, ты к кому тут напрохóт-то бегашь?- старуха долго не могла упомнить её имя, знала только, што на конфету ириску находит. Да так и привыкла.

Лариска задрала рукав, поглядела на часы, спятилась:

А ты, ли чё ли, не слыхала, я уж неделю в Репалиной избушке доживаю?

Ишшо не башше! Вы уж не разошлись ли, свят дух восподней?

Мы счево разойдёмся-то? Все тут. И Гриша и Пашка с Настей.

- Вай, чё деетца – со стариками в одну-ту избу не вохóдите?

Лариска помялась:

Да мы пушше-то из-за Пашки. Он нонче в школу поступил. Оттуль через всю деревню ходить нады. Ну-ка, побéгай зимой, да наипáче в мороз! Мне, тётушка, нековды, счас хлеб из пекарни привезут. А ты заходи к нам, поразговаривам, она повернулась и побежала.

«Но-но, мне не нады сказывать, из-за чево ушли. Сама соображаю... Выжили-дакí девку-то!»». Клавдэя направилась за ней в ларёк, хлебаца взять горечево. Не дошла Файка в окошко состукала. Да... давненька к ней не заходила. В ранешно-то время друг от дружки не вылезали. Хоть та, хоть друга – спать не ляжет, докуль подружку не опроведат. Наговоритца не могли. А счас лешаковы ноги худы стаю́т – не до гостей.

Фая стретила у порогу и тут же напустилась на гостью:

- Гли-ка, ишшо маленьтя – опеть бы мимо просквозила. Меня хоть какой-то Восподь к окошку подвёл, увидала тебя. Ты пошто никак-ту не заходишь? Сижу вить тут с кошкой разговариваю. Кто услышит, скажут старуха заговариватца стала. А мне ково одной-ту делать? По всему дню прохлаждаюсь, не дай Бох никому...

Гостья заоправдывалась:

Дак я бы как не зашла-то, кабы могла. Тоже не часто этот год из избы-то выглядываю. Вот каки ходоки мы с тобой стали.

Хозяйка согласилась:

Не бай, девка. Ты-то, гляжу, ишло хлёско бегашь. А я нонче ногами наготово ханула, Фая присяла на лавку, потёрла ноги, Вишь, прокляты́ как разбарабанило. И распариваю их, и мажу, и компрессы накладываю... Нихто не помогат. Боюсь на злу голову – не приведи Восподь обезножить. За мной хто тожнё ходить-ту будет, за лежачей-то?

Фая было пригорюнилась, помольчала минутку. Чё плакать-то? Жива и слава Бох!

Ну чё, по деревне-то шла, стретила ково-нить? Давай, обсказывай, где ково слыхать?

А я ково бытто увижу? Добры-то все на работах сидят. Одна Акёшина невеска обогнала меня, да и та без ума в ларёк бежала, хлеб из пекарни примать. А ты не слыхала, оне вить ушли от стариков-ту.

Фая покачала головой. Покумекала.

Это уж не с добра. Расстырили, чё боле-то. Молодым вить слово сказать нельзя. Никово не слушаюцца.

Ты уж на Ириску здря-то не наговаривай. Девка-то от Христа, от Самово родилась. Я её с молодых ногтей знаю, худово слова об ней нихто не скажет, не за што похулить. Уж до чево я жалела, как она согласилась в ихну сёмью взамуж идти! В каку пору, девка, Гринька-то успел её округить?

Ничё хитрово нету. Девчёнка сиротой росла, а тут парень из армии пришел. Да ишло какой парни́на-то! Вся грудь в значках! Да ни на ково-нить, а на неё поглядел. Пригрел да приласкал – она и вся совсем.

Эдак-эдак! Нековды было об свекровке думать. А свекровки тоже не все хороши. Которы дак от лешака. Ты свою-то спомни-ка! Много ты от неё добра видала? А сколь через неё слёз вы́плакала?

Фая замахала руками:

Тьфу на тебя, прости Господи! Тебе уж боле не об чем поговореть? Она из меня и счас ишло кровь пьёт. Не поверишь, котору ночь пригрезитца – так и жди, што захвораю. Тебе ли не знать, сколь я на неё трепалась, а «спасибо» сроду не слыхала. Да чё об этим говореть, я у ней из дур не выходила.

Ну вот, а Тоська-то не башше. Как Акешка с ней эсколь годов выдюжил? А вить не последний парень был в деревне. Сурьёзный рос, наблюдательный. А какой башковитый – это уж от Бога.

Я чё, не знаю? С какими ребятами Кешка в антернате-то жил, сказывали – книги из рук не выпускал. Дак дело дошло чуть ли не до тиво помешательства.

Ну-у-у, што ты – зачитался! Он вить классе в седьмом на меня поглядывал. А я как услышала, што у него с головой-ту заспелоса, бо-ятца стала. Он походил-походил за мной, да и отступился. Вот тожнё на Тоську-то и трафился. Видать шибко я ево обидела, не поверишь, всю жись на меня сердце дёржит

Клавдея опеть не сдержалась, она всё об Лариске переживала, жалела её с малолетства:

Ох, ты бедна, ты бедна Ириска! И угадала же на эту на гнусаву! Она и Кешку-то наготово заездила, за мужика уж никто не шшитат. И до чево хитрушша! Всю жись приставля́тца, бытто хворат. Зиму и лето в тёплой полушалке ходит, мол простывать никак нельзя. На работе ишшо сидит, а как всех конторских погонят на покос ли на уборошну, во-от она и заумира́т! Глаза закатит, какэсь прісмерти лежит. По домашности-то сроду Акеша управля́тца. У ней у самой, за што ни схватись, на всё причина. Корову доить – пальцы ревматизма крутит. Сенца скотине бросить – то крыльца ноют, то руки не подымаютца. Ведро воды с реки приташшить тоже не может – спина надсажена (где, у каково лешака она её успела надцадить?!). Все бегут в лес по ягоды да по рыжики, а Тоське плоскостопье по лесу ходить не даёт. Дак с челядью посидеть, невеску заменить, и то не может!

Вай, ради Христа, а она ково говорит, как отпиратца с челядью-то посидеть? Меня коснись, дак я бы со стыда сгорела.

А ей чё? Так и говорит, мол я к вам в няньки не нанималась, без меня нажили, дак сами и водитесь. Это вить смешно сказать, у меня, мол, нервы и так все истрёпаны и на вашу челядь терпення не хватат. Ты не забыла, оне с сестрицей-ту как росли? Одна от лешака, друга от дьявола! Вся околотка от них сто́ном стонала!

Да, паря. Она их где истрепала, нервы-то? За Акентием-то дивья́ жить, этот уж лишній раз рот не разинет.

Фая перебила:

Ва-ай, дак ты неуж вправду говоришь? У меня в голове не помешатца! А я вить никово не знаю. Пóлзала на днях к приседателю, заявленне уташшила, штоб дрова привезли. Дак уж Тоська там раззоря́тца, невеску-то на всю контору страмотит последними словами. Уж така она и сяка. Мы, мол, со стариком на них работам, спину не разгиба́м. Кеше-то, дескать, всё же полегче поболе поработат, крепче поспит. А мне-то руководить нады, это тебе не кули таскать.

Во-во. Руководить-то она научилась, по всему дню в избе реви́шша – всё не по её делают. Одново Гришку жалет. Я раз своими ушами слышала – он в общем огороде картошки огребáл, а Тоська на него

ревела ты, мол, у ково научился бабью-то работу делать? Мир перевернулся бабы мужиков оседлали!

Да я из дива вышла. Самой-то на Кешиной шее глянетца сидеть!

А Акеша, он-то чё за девку не застүпитца?

Да он рад бы душой, да в своёй избе вякнуть боитца. А эта попе-рёк стала: или я или она! Спасибо, говорит, што самово из избы не выгнала. Вот тебе и на! Всё на молодых грешим... Да я и говорю, нету у этой Тоськи стыда, хоть чишай в глаза ей всё божья роса! Клавдея поднялась с лавки: - Пойду, в ларёк сползаю, может не весь хлеб-от уташили. Да конфеток с пряниками возьму. Чё сидишь, как Исусик? Иди, ставь чайник!

Фая забыла про коленки, сгреблась с лавки, заковыляла в куть. Нады ково-то на стол ставить. Клашка стряпню приташит, дак её макать в ково-то нады чё сухой-то давитца. Наклала на одно блюдецe сметанки, на друго вареньица. Ополоснула запарник, насыпала свежее чаю с душичкой.

Не успел чайник закипеть, Клаша уж тут как тут. Разболоклась, жакетку повешала на гвоздь у дверей.

Катанки сымать не стала поясница наклонятца не даёт. Да ноги на полу-то и в катанках не спотеют. Покосилась на зергяло, пригладила руками голову, подсяла ко столу. Фая разлила кипяток по кружкам:

А тебе из запарника закрасить или молочком забелить?

Ково нальёшь, с тем и выпью. Лишь бы горечий был.

Да-а-а, Клашка... дóжили шаньги в сельпе берём! Самим стряпать лихо. Я дак и на празники квашню не завожу невеска таскат. Спасибо, не забывает меня.

- Дак твоя Верка-то сто сот стоит. Ой, Файка, об празниках-ту поднаумила, а ты не знашь, паска этот год в каких числах будет? она покрутила головой, пошарила глазами в простенках, У тебя пошто численника-то нигде не видать?

А он мне почево? Не на работу ходить. Ондала Вере, в ём всяки рецепты пропечатаны, поглянулся ей шибко.

Ишшо не башше! Што уж за таки за рецепты нашли? В моём дак ничё доброво не печатают.

Мольчи, девка, она лётось на курорты съездила, нагляделась на тамошных-ту бабёнок, вот и переняла моду — под старось молодитца здумала. Мазей оттуль навезла, дак дорогушши не на белый свет никаких денег не хватит. Вот она в численнике-то вычитат, да и мажетца всякой всечиной. Не успет с постели соскочить, первым делом

выпатратца. Так и управлятца бегат: то вся в сметане, то в яичке обсохнет...

Она вить, однако, сроду никуды дале Богучан-ту не выежжала, поглянулось ей на курортах-то?

- А кому не поглянетца? Дивья на всём-то на готовом. Имя там и постели-то не давали самим подбирать, не то што чево. Хоть выпалась тамака, дома-то не шибко отдохнёшь. Ишшо я навязалась на её голову. Почево бытто живу, чужой век заедаю? Это вить не всяки за своими стариками так ходят, как она за мной. Которы и к родной-то матери раз в год по обещанью заглянут, а Вера с Наташкой меня не забывают. Чё здря скажешь... А подарков-то прибуравила с отдыху - полон кошель натёркала! Иди-ка в горницу, погляди-ка! - Фая откинула шторину, Вишь, каку скатёрку-то привезла? С тистями! На сонце вся перелеётца, в избе-то от неё какэсь завоссияло! Я было затпиралась ну-ка, таку красоту от себя отрывают! А она, нет и нет, мамаша, это уж нарачи тебе брала! Дак ишшо и катётку цветисту ондала. Тоже с тистями. Я её не одею, уж така бравушша, жалко здря трепать... Пушай лучше меня в ней схоронят.

Клаша от её речей подавилась пряником. Фая соскочила на ноги, давай по спине хлопать. А та, едва прокашлялась, да заревела:

Ожабэй, ты ково говоришь?! Чирей тебе на язык! Умирать она собралась!.. Брось даже думать. А и умрёшь, дак там не всё ли равно в чем лежать? Пофорсила бы успела на этом свете сколь-нить, - гостья расстегнула у жемпера верхну пуговку, подлила себе кипяточку, - Я у тебя не спрошу про Веру-то, она пошто взамуж-от не идёт? Лет пять уж, как Лёню-то твоёво схоронила. Така хороша бабочка! Уж была бы кака-нить коса ли хрома, а то вить всё при ней. И фигуриста, а в руках дак всё горит. Несколь уж без дела не посидит пошёл и пошёл.

- Мольчи лучше, Клавдея. Выйди Верка взамуж, дак я бы языком перекрестилась. Напрохот ей говорю, штоб на меня не оглядывалась. Ты, говорю, кому себя берегёшь, не девка вить. Годочки-то пролетят, не воротишь!

Ты гли-ка, чё деетца! И самуё себя блюдёт и шшитай две избы содырживат. Это она молодчина. А как раздумашься без мужика, наипаче с хозяйством, чижало вить жить-то...

Дак как! В нитку бабёнка вытянулась. Охота вить, штоб наравне со всима, не хуже других. Да ево де взять, мужика-то? Думаешь, в деревнях проходу нету от добрых мужиков? Не-ет, путных-то давно схватали, с собаками не найдёшь. Не помлишь, в третьем годе она было совсем сошлась с однем кособыцким. Дак и мне показался не худой

мужик-от, даром, што из химиков. Такой резоннай! Всё про себя об-сказал, хто и откуль, где родня живёт. Бил себя кулаком в грудь, до-казывал, што выпиват толька по престольным празникам, а так в рот не берёт. И, што характерно, любит, штоб всё чики-брики было вче-рашну рубаху ни за што не наденет, каждо утро чисту давай. Штоб у коровёнки или хоть у куриц вычистить об этим и разговору не было. Да ему нековды было во клев-то заходить: по всему вечеру про-водил на диванчике. Сидит у телевизеру нога на ногу, трубочкой попыхиват. И главно, обрати внимание, об чем бы в телевизере речь ни зашла, он уж всё знат! Видать большово ума человек! Поглядела я на него ну, думаю, не по себе сук рубит моя Верка!

Да-а-а, не здря кособыцки-то поговаривали, мол Валентин ваш на молодых заглядыват. Ну и чё? Году не прожили снюхался с новой медичкой! Оне вить, молоды-то бабёнки, привыкли хвостом вилять.

Вишь, как с приежжими-то связыватца! Вот и возьми их, это наш брат мужик чё на уме, то и на языке. А этих химиков голой рукой не возьмёшь. Оне вить наехали все сплошь из городов, а там сама знашь грамотей на грамотее сидит.

Дак вот... А деревенским бабам куды деватца? Думаешь ли нет? У меня дак это из головы не выходит. Ночами не сплю, лежу глаза пучу, Фая смахнула слезу, высморкалась.

Клаша прикрикнула на подружку:

Реви-реви! Пóрти глаза-то! Ножонки не ходят, да ослепнешь вот будет гиря на Веркину шею.

Ты послушай, че я придумала. Мне до этово проклятово ГЭСу-то не дожить. А счас выселять всех отцель хочут. Слыхала деньги стали давать на ново жильё. Нам уж перевели... Дак сама знашь, за мою-то избушшонку вного ли дадут? Вот я Веру и агитирую с моёй книжки снять да приложить к этим деньжонкам, штобы мне фатеру с двумя горницами-то взять. Я бы сразу на внучку её отписала. Сама знаю, што старость запускать нельзя, да живой в могилу не лягешь... Дас Бох, долго не заживусь, не успею им надойсьти. Сперва-то думала, никуды не пошевельюсь, в своёй избе век скоротаю. А счас сама сватаю их уехать отцель, да обживатца на новом месте. Будет у Веры своя крыша, дак моить добрый мужичёк и припал бы к ней. Ты как думаешь, родна?

А чё тут думать-то? Ты круговой сроду не была. Мотри, как всё распановала нады бы лучше, да некуды. По фатере у невески со мнучкой куды башше-то?!

Фая бросилась к подружке, до тово дообнималась, чуть не задавила:

Мне вить посоветоватца-то не с кем. Не успею заикнутца, Вера уж руками замашет и в слёзы — мол, чё ты себя заживо хоронишь? Как с ней разговаривать? Не здря тебя, Клавдея, Бох привёл. Счас уж я утвердилась, што всё с умом делаю. Главно успеть всё обстряпать, докуль сама шевелюсь. Буду знать, што оне при месте, можно будет и умирать.